

КОЛОКОЛЬЧИКИ НА ВЕТРУ

БОРИС МИРЗА

Родился в Москве в 1971 году. Режиссер, преподаватель, сценарист, писатель. Окончил ВГИК. Лауреат нескольких кинофестивалей, в том числе Первого Международного евроазиатского кинофе-

стиваля стран СНГ и Балтии «Восток-Запад. Новое кино. XXI век». Сборник рассказов и повестей «Девушка из разноцветных яблок» награжден дипломом «Открытие года» на отраслевом конкурсе «Ревизор».

Рубашка

Я не хочу умирать. Знаешь, Ахра, я так много летал в ту пору, что привык к самолетам, как вы к автобусу, идущему из «Гребешка» в Гагру и обратно. Но к тому, что самолет начнет трясти настолько, что очки слетят у соседа справа и, плюхнувшись на пол, исчезнут где-то под креслами впереди, так что у стюардессы, которая только что угостила меня чаем и теперь толкала свою тележку дальше, подвернется нога, и что я залью этим самым чаем свою парадную белую рубашку, — я оказался не готов.

Мы падаем? Мы падаем? Мы падаем? Все вокруг кричали, превратившись в оружие манекены, вжаты в кресла. И среди этой тряски, этого оцепенения, этого ужаса я вдруг услышал спокойный с хрипотцой женский голос: «Ненавижу вертолеты, ненавижу самолеты, ненавижу все, что летает...»

И после, через мгновение, когда тряска унялась, где-то в самолете чистым звоном зазвенел колокольчик. Что это было? Чей это голос, откуда он? Спереди? Сбоку? Сзади? И кто звенел колокольчиком? Это ведь был твой голос, Ахра? Это твой колокольчик звенел?

— Ты не упадешь, милый, это просто тур-булентность, мне муж рассказывал.

Какая разница, если этот странный голос и звон у меня в голове обозначал, что тряска закончилась? Мы садились в аэропорту Адлера. Я первым зашел в зону прилета и стал оглядываться в поисках администратора. Вроде бы меня должен был встретить парень по имени Вася и отвезти в санаторий «Гребешок», где жила во время съемок наша группа. Но вместо Васи появилась ты, Ахра.

— Ты Андрей. — Ты же не спрашивала, ты знала, что я, растерянный, растрепанный, весь залитый чаем, и есть тот самый Андрей.

— Андрей, — кивнул я, — а вы администратор и водитель группы? Мне говорили, что будет мужчина.

— Я не мужчина и не администратор. Водитель я тоже не очень. Меня муж учил. Но я плохо в технике разбираюсь.

Я растерялся. Ты разговаривала со мной так, будто мы знакомы давно. Будто странно, что я не знаю, кто ты, и мне нужно еще раз втолковать простые истины. А я вдруг поймал себя на том, что люблюсь тобой. Твоими чертами, словно вырезанными из камня, суровыми и женственными одновременно.

— Хорошо, вы не администратор, не водитель. Тогда кто вы?

— Я — Ахра, — сказала ты, потому что, видимо, считала этот ответ исчерпывающим.

Я ждал событий, испытаний и свершений, а настоящей ценностью было что-то, находящееся вне меня, вне моей судьбы, вне этой мгновенно пролетевшей жизни. Все самое главное оказалось рядом со мной на берегу моря в Абхазии, когда где-то вблизи и вместе с тем вдалеке я слышал шум съемочной группы, ругань режиссера, замечания оператора, крики помрежа, стук хлопушки и неестественные голоса актеров.

Я ждал своей очереди, своего съемочного дня. В ожидании сидел на пирсе и ловил рыбу. Удочку я купил у абхазского мальчика за тридцать рублей, сумма огромная, но у меня было много денег, ты же знаешь, Ахра. Впрочем, я потратил их почти бесполезно. Рыба не клевала. Видимо, моих навыков не хватало для рыбалки здесь...

Но мне нравилось сидеть на пирсе и смотреть на морскую рябь. Казалось, я растворяюсь в этом пейзаже и времени. Чужеродные звуки постепенно исчезли в плеске волн у пирса. И, кажется, я пропал бы совсем, став частичкой всего окружающего, но тут вдруг раздался твой голос:

– Посидишь так день-два – и станешь акварельной картинкой на стене верхней дачи.

Ты стояла на пирсе позади меня и закрывала собой солнце. Так что я почти не видел твоего лица – лишь темный силуэт, светящийся по краям золотом.

– Я просто рыбачу, потому что мне скучно ждать съемок. Хотя знаешь что, может, я и хотел бы здесь поселиться. Как у нас говорится, хоть чучелом, хоть тушкой. Ну или картинкой на стене, тоже неплохо. Узнал бы, как живете вы, когда здесь нет съемок, ну и вообще, что это за место.

– Так оно и происходит, Андрей. Никак иначе нельзя узнать про человека или место, если ты не стал его частью.

– Тебя здесь все считают странной, Ахра. Я заметил, местные девушки все очень скрытные, не хотят общаться со мной. Ну я и не лезу. А ты сама встретила меня, сама заговорила. Трудно поверить, что мне так повезло познакомиться с тобой.

– Это очень удобно, когда тебя считают сумасшедшей. А я еще и сирота. И родителей не нашли. Папа с мамой меня удочерили. Папа воспитывал меня так, как всех наших девушек, но, видишь, не очень получилось. Сначала сердился. Попытался исправить. Но я же Ахра. Как со мной справиться? Потом привык. Все вокруг привыкли. Только он думал, что я не апсуа. Может, армянка.

– Разве это важно?

– Это очень важно. Но какая разница, кто я по национальности. Я выросла здесь. Я воспитывалась здесь. Мой язык – абхазский. Я по вере христианка и апсуа, и никто другая. Пусть считают странной.

У тебя в руках была зеленая школьная тетрадка.

– Ты пишешь стихи? Дашь почитать?

– Не дам. – И вдруг смутилась. – Они на абхазском.

– Тогда да, я не смогу их прочесть, пока не выучу абхазский.

– Ты не выучишь, наш язык окажется слишком сложным для тебя.

Я заметил, что, когда ты с такой уверенностью говорила о будущем, глаза твои затуманились и стали тоскливыми и нездешними.

– Откуда ты знаешь? Я уже выучил одно слово. «Итабуп». Значит – «спасибо». Иду в шашлычную в Гагре, говорю «итабуп». В столовке вашей, когда приносят еду, тоже говорю «итабуп».

– Я вижу, ты стараешься. Серьезно продвинулся.

– Итабуп.

– Не за что. Но с абхазским у тебя не выйдет.

– Вот, опять! – Я едва не вышел из себя. – Опять пророчишь. А что-то еще можешь предсказать?

– Могу.

– Ну давай.

– Если ты сейчас обернешься и помотришь с пирса в море, то упадешь в воду вместе со своей драгоценной удочкой и увидишь меня совсем с другой стороны.

Я крепко стоял на ногах и упасть ну никак не мог.

– Проверим! – сказал я и, повернувшись, посмотрел в морскую даль. На этот раз она была опаловая, как твои глаза, Ахра. – Ну вот. Видишь, ничего не произошло. Я посмотрел на море и не упал, теперь смотрю в твои глаза, потому что неважно, куда смотреть. И то море, и другое. Ты ошиблась в предсказании!

– Я! – Ты вдруг резко придвинулась ко мне и прокричала, разделяя слова и превращая их в угрожающие выкрики: – Никогда! Не ошибаюсь! В предсказаниях!

И толкнула меня в грудь так, что удочка выскользила из руки, ведро с наживкой полетело в другую сторону, а сам я плашмя плюхнулся в море.

Первая часть твоего предсказания сбылась. Я погружался в воду. Сбылась и вторая. Те мгновения, пока я летел и тонул в опаловом море, я увидел тебя совсем с другой стороны. Ты вдруг стала

моложе, я видел совсем девочку в развеваемом черном платье, улыбающуюся, спокойную и даже величественную. Это длилось мгновение. И исчезло. Мокрый и кашляющий, я выбрался на пирс.

Передо мной была ты, Ахра.

- Предсказание сбылось. Я весь промок.
- Я никогда не ошибаюсь в предсказаниях. Чтобы стать морем, надо в нем раствориться, а ты всего лишь промок. Чтобы стать частью этих мест, надо раствориться в них и, возможно, исчезнуть. Умереть здесь. А ты пока только знаешь слово «итабуп».
- Я пока не хочу умирать.
- Ты пока не умрешь.
- Ну спасибо.
- Я не ошибаюсь в предсказаниях. Ты, наверное, заметил.
- Заметил, заметил. Повторять не надо.

Мы помолчали. Я смотрел на тебя и удивлялся. Как быстро ты превращаешься из грозного каменного изваяния в обычную местную девушку-администратора, а из администратора – в загадочную, тонкую, почти прозрачную девочку.

- Ну, кое-что об этом месте я уже узнал.
- Что, например?
- Что тот рогатый дом, дача наверху, где сейчас живем мы, построил принц Ольденбургский.
- Угу-угу, интересно...
- Для своей сестры-принцессы.
- Угу. Очень интересно.
- Она тут гуляла по пляжу и потеряла золотой гребешок.
- Ух ты! Ну вообще!
- Поэтому место и назвали так странно. «Гребешок».

Вдруг ты зевнула, прикрыв рот рукой. Так, будто сейчас завалишься спать.

- Что? Не так? – спросил я.
- Совсем не так. Просто чушь. Вот так ты и растворяешься. Плаваешь. По колено в чуши.
- Итабуп.
- Не за что. Слушай. Этот дом построил русский. Богатый человек. Очень богатый. Давно. А дочка, которую он действительно звал принцессой, называла его папой...

Гребешок маленькой принцессы

Знаешь, Ахра, меня тогда поразило, что ты так рассказываешь о девушке, которая жила здесь еще до революции, будто ты сама присутствовала при тех событиях, будто видела все.

А потом я вдруг догадался: это и было то, что ты называла «стать частью», то есть «раствориться». Ты – часть этого мира, где только пространство, горы, небо, леса и море. Где нет ничего, кроме этого пространства. Где пространство, пока оно не тронуту врагом, пока ничего не разрушено, в котором времени нет. И вчера, и позавчера, и сто лет назад здесь один и тот же мир, в котором все связано между собой, который существует отдельно от остального мира. И этот мир может принадлежать только тебе, Ахра.

Это твоя душа.

Та принцесса, что жила далеко, прежде чем приехать сюда, в Апсны, спрашивала:

- Папа, когда ты теперь вернешься?
- Скоро, – отвечал он.
- Это такое странное слово, «скоро», – говорила принцесса. – Вот когда братик говорит «скоро», это означает, что к вечеру он сделает то, что обещал. Когда мама говорит «скоро», это значит минут через пятнадцать. Когда я говорю, что скоро, например, усну, это означает «прямо сейчас». Стоит только закрыть глаза. А когда ты, папа, говоришь «скоро», это может значить что угодно. Скоро – это завтра? Или в конце недели, в воскресенье?
- Скорее в конце недели. Но до конца недели не так долго, принцесса.
- Пап, не называй меня принцессой. Когда ты называешь меня так, то будто хочешь специально подольститься и обмануть. А ты лучше не обманывай меня.

Но отец всегда обманывал ее. Обещая приехать в пятницу, он приезжал в воскресенье утром.

Дела, дела были важнее. Казалось, вот стоит закончить нынешние коммерческие авантюры, заработать еще миллион – и можно будет успокоиться и посвятить время семье, детям, дочке. Как только наступит «нужное время». Он, кажется, не мог быть счастливым, а только готовился к счастью.

Но «нужное время» не наступало, и он продолжал работать.

«Нужное время» не наступило, даже когда дочка закашлялась в очередной раз и кровь из горла полилась у нее по подбородку.

Он нанял лучших докторов, которые быстро поставили диагноз.

Чухотка.

- Вашей дочке, – сказал доктор, – может помочь только южная природа, свежий морской воздух и прогулки. Уединение. И вам надо чаще бывать

рядом с ней, она ведь только этого и ждет. Я могу рекомендовать одно. Оставить на время дела, купить или построить дачу где-нибудь в субтропиках, да вот хоть в Гагре. И побыть с семьей там. И больше гулять. Чахотка не любит солнца и свежести. Она любит затхлость и тоску.

Отец был деятельным человеком. Он купил землю и построил дачу над морем. Пока шла стройка, они с дочкой все время были вместе. Гуляли у моря и разговаривали.

– Здесь очень красиво, папа, похоже на рай.

– А ты будто знаешь, как выглядит рай?

– Знаю.

– Ну и как?..

Он улыбался. Ему было хорошо, и ей тоже. Здесь, в этом прекрасном месте, гуляя с отцом, она выздоравливала.

– Вот так. Оглянись вокруг – и увидишь.

Он оглядывался. Смотрел на буйную темно-зеленую растительность, на казавшиеся даже избыточно яркими цветы и на море до самого горизонта.

– Действительно. Наверное. Именно так.

– И когда ты рядом.

Он смутился. Не знал, будет ли он рядом все время или нет. Все решал, когда можно уже будет уехать. Заняться делами.

– А вот ближе к зиме здесь начнут созревать мандарины. И тогда ты точно окажешься в райском саду. Только вместо яблок мандарины!

Он улыбнулся.

– Мандарины! Я никогда не видел мандаринов на деревьях. И мы вместе будем срывать их прямо с дерева и есть?

– Ну да. Сбирать мандарины надо аккуратно-аккуратно, лучше срезать. Чтобы не повредить мякоть. Иначе они быстро испортятся.

Принцесса явно устала. Все-таки, несмотря на солнце и свежий воздух, она была совсем слаба. Присела на камень у дороги.

– Что-то мне трудно дышать, папочка. Вероятно, я порчусь, как неправильно сорванный мандарин.

– Никакой ты не мандарин. Ты скоро окрепнешь и выздоровеешь.

– Когда ты говоришь слово «скоро» – никогда не понятно, сколько это...

Но «скоро» случилось вот что. Дела пошли хуже. Кредиторы, вложившиеся в его предприятия на Волге и Кавказе, требовали вернуть средства. И отцу нужно было возвращаться.

По правде сказать, все эти кредиторы, суды, банкротства – его стихия. Но оставлять дочку было страшно. Ведь только что она начала выздоравливать.

– Знаешь, я должен совсем ненадолго уехать.

– Уехать? – Принцесса посмотрела на него. – И потом вернуться?

– Да. Очень скоро. Ты не успеешь и гребешка отыскать.

– Какого гребешка?

– Правильно! Ты же не знаешь! – Он обрадовался, что сумел отвлечь дочку. – Настоящая принцесса, сестра принца Ольденбургского, потеряла здесь золотой гребешок. И та девушка, которая найдет его, тоже станет принцессой. Настоящей принцессой.

– Ты всегда меня называл принцессой, получается, обманывал?

– Нет! Ты и есть принцесса. Просто осталось как следует поискать гребешок, пока я буду в отъезде.

Она молчала и думала.

– Кажется, ветер... – сказал он. – Врачи советовали тебе избегать сильного ветра. Ты чувствуешь ветер?

– Нет, папа. Ветер чувствуешь ты. А я – подпорченный мандарин.

– Никакой ты не мандарин. Я сделаю так, что ты будешь знать, когда поднимется ветер. Знаешь что? Я велю по всей дороге до моря, в каждом сквере развесить колокольчики. Если ветер будет дуть сильно, колокольчики зазвенят. И ты вернешься домой. У каждого из нас будет своя задачка. Я поправлю все дела и вернусь скоро-скоро, а ты не торопись найдешь гребешок принцессы и будешь избегать ветра. Вот так.

Он уехал.

А она ходила гулять и попутно искала гребешок. Несерьезно, конечно, ведь не такая уж маленькая девочка была принцесса. Понимала, что не может потерять гребешок, который обронила сестра настоящего принца. Да даже если и потеряла, то за прошедшее время море смыло его, забрало в свою бездонную пучину, засыпало песком и галькой. Похоронило. Отец придумал все, чтобы отвлечь ее...

Зато когда начинал дуть ветер, колокольчики по всей аллее и на пляже звенели. Они так подходили к этому месту, к морю, к изумрудным зарослям, к прекрасной верхней даче, будто бы всегда были здесь.

Отца не было долго. Те, кто жил в доме, начали замечать, что принцесса все больше худеет,

После свадьбы Навей и Мзауч пошли вместе на охоту. Настреляв дичи, устали. Решили отдохнуть у того самого родника, где когда-то познакомились Хавида и Навей.

- Знаешь, Мзауч, – сказал тогда Навей, – а ведь у этого родника я впервые встретил свою будущую жену. Хорошо здесь, правда?
- Хорошо, – ответил Мзауч и посмотрел на друга. – Именно здесь началось все у вас?
- Именно, Мзауч. Хорошо здесь. И отдохнуть приятно. Не хочешь вздремнуть?
- Нет, я просто посижу осмотрюсь немного, а ты вздремни, куда нам спешить.

Навей лег у воды и заснул. Ветер усиливался, холодно стало Мзаучу, решил он костер развести. Да никак не мог хворост зажечь. И вдруг за спиной услышал голос.

- Нам есть куда спешить, Мзауч. Мгновения превращаются в минуты, минуты одна прилипает к другой и становятся часами, часы складываются в дни, дни притягивают к себе ночи, сутки оборачиваются неделями, а из недель вырастают месяцы, месяцы растягиваются в годы, – шептала Черная Зависть, стоявшая серой тенью за его спиной. – Жизнь проходит, Мзауч, жизнь проходит.
- Что же мне делать? – пробормотал Мзауч себе под нос.
- У тебя с собой ружье и кинжал, – сказала Черная Зависть. – Иногда нет другого выхода, как применить силу.
- И это как раз тот случай? – спросил Мзауч.
- Время уходит. Мгновения превращаются в минуты.

Мзауч посмотрел на кинжал.

- Как мне убить Навея, когда он мой друг?
- Тебе ничего не стоит это сделать, – ответила Черная Зависть. – Лишь выбрать, что это будет. Ружье или кинжал?

Мзауч посмотрел на ружье, лежащее перед ним, и взялся за кинжал, который висел на поясе.

- Тебя обидели, Мзауч, тебя обокрали. Это должна была быть твоя рубаха, твое приданое, твоя Хавида.

Мзауч подошел к спящему Навею.

- Я могу лучше танцевать, я ничем не хуже его, меня обокрали, это должен быть мой танец и моя невеста!

Проснулся Навей. Увидел в руках у Мзауча кинжал и спросил:

- Ты хочешь убить меня, Мзауч? Что сделал я тебе?

- Мгновения превращаются в минуты, минуты одна прилипают к другой и становятся часами, часы складываются в дни, дни притягивают к себе ночи, сутки оборачиваются неделями, а из недель вырастают месяцы, месяцы растягиваются в годы, – сказал Мзауч и поднял кинжал. – Жизнь проходит, Навей, жизнь проходит.
- Что ж, ты убьешь меня, Мзауч. И будешь надеяться, что никто не узнает, что ты сделал со мною. Но я призову горный ветер свидетелем. Здесь он обитает везде, здесь он настигнет тебя и превратится из горного ветра в ветер возмездия, Мзауч.

Но Мзауч не слышал и этого. В его душе раздался лишь шепот:

- Тебя обидели, Мзауч, тебя обокрали. Мгновения превращаются в минуты. Это должна была быть твоя рубаха. Часы складываются в дни. Твое приданое. Дни притягивают к себе ночи. Твой танец. Сутки оборачиваются неделями. Твоя свадьба. Из недель вырастают месяцы. Твоя Хавида. Месяцы растягиваются в годы. Твоя. Твоя. Твоя.

Мзауч убил Навея и спрятал его тело.

И спросила Хавида:

- Ты охотился с Навеем, Мзауч? Где мой муж?
- Да, мы ходили вместе, но он решил уйти раньше. Уж больно хотел увидиться с тобой поскорее.
- Это похоже на него, – кивнула Хавида. – Идем искать его скорее.

И долго вся деревня ходила искать Навея там, где указал Мзауч. Не понимая, что уже не Мзауч руководит поисками. Душу его забрала Черная Зависть, и она идет впереди поискового отряда, совсем не теми тропами, где охотился погибший Навей.

“Думала ли я, что даже могилы своего мужа не увижу. Бывает, умирают мужья, гибнут, но может жена прийти к могиле и оплакать покойного, поговорить с ним, будто с живым, обнять холм могильный, а я и этого лишена. Осталась мне от него одна рубашка, что я ему сшила. Надевал он ее в радости, пусть будет она со мной как память. И я сама надену ее, когда наконец успокоится моя душа”.

Время шло. Минуты, часы, дни. Тела Навея не нашли. А Мзауч жил рядом, тихо жил. Мирно.

Три года минуло, как исчез Навей.

И пришел Мзауч в дом Хавиды. И сказал:

- Нет с нами нашего Навея. Долго длилось наше горе, но и оно не безгранично. Нельзя всю жизнь в печали прожить.

И он стал говорить то, что уже многие говорили Хавиде. И то, чего она сама не хотела слышать. Отовсюду вокруг нее несло:

- Нельзя разрывать себе сердце.
- Нужно смотреть вперед, а не жить прошлым.
- Нельзя же всю жизнь прожить лишь печалью.
- Нельзя.
- Нельзя.
- Нельзя!
- Мешаю я вам, что ли, свою памятью о Навее? – отвечала Хавида.
- Конечно, не мешаешь, глупая ты! Мы от тебе лишь и заботимся. О тебе беспокоимся. Тебя жалеем! – говорили одни.
- Время проходит, – шептали другие, – минуты, часы, дни, месяцы, годы...

А Мзауч сказал:

- Не скрою от вас всех: я полюбил ее за эти годы и хочу жениться на ней.

И все хорошо подумали и сказали:

- Прошло три года.
- И еще добавили:
- Только на третий год сознался он, что любит Хавиду!
- И еще:
- Порядок соблюден.

А потому решили:

- Надо дать согласие.
- Подошел Мзауч к Хавиде и произнес:
- Ведь мы были с Навеем близкими друзьями. Ты будешь напоминать о нем мне, а я – тебе.

И все хором сказали:

- Время! Время! Время!
- И тогда согласилась Хавида. Потому что трудно женщине одной. Потому что не было детей. Поэтому что...

“Кто теперь донесет кувшин мой, кто сядет рядом, кто возьмет за руку, кто родит и воспитает детей, если рядом нету мужа, время твой главный враг, отсчитывает мгновения и отбирает молодость, красоту, жизнь?”

И отдала Хавида всю себя Мзаучу, и полюбила его как жена, и родила детей. Жизнь их успокоилась, а бывшие раны укрыла пелена повседневных тревог и забот, как накрывает снежная пелена горные вершины.

А от Навея осталась у Хавиды только та самая рубашка, которую прятала она на дне самого большого сундука, как в самом глубоком тайнике души своей.

Мзауч жил и радовался. Он, казалось, получил все, что хотел. Только Черная Зависть не исчезла

никуда. Она просто замирает, затихает на время, прячется. Но не исчезает. Мучить человека – ее работа.

А ветер живет в горах и помнит все. Он живет здесь всегда и поет свою песню тысячью голосов. Слышишь?

Уже и сам Мзауч забыл то место, тот родник в горах, где когда-то убил он Навея. И не вспомнил, когда они с Хавидой после трудного похода остановились там отдохнуть. Заснул Мзауч у звенящего, как колокольчик, родника. Налетел ветер с гор. И приснился Мзаучу сон.

- Знаешь, Мзауч, – сказал Навей, – а ведь у этого родника я впервые встретил свою будущую жену. Хорошо здесь, правда?
- Хорошо, – ответил Мзауч и посмотрел на друга. – Именно здесь началось все у вас?
- Именно, Мзауч. Хорошо здесь. И отдохнуть приятно. Не хочешь вздремнуть?
- Что же мне делать? – бормотал Мзауч во сне.
- Ты хочешь убить меня, Мзауч?
- Мне ничего не стоит это сделать. Лишь выбрать, что это будет. Ружье или кинжал?
- Ты выбрал кинжал, Мзауч. Что сделал я тебе?
- Меня обидели, меня обокрали. Мгновения превращаются в минуты. Это должна была быть моя рубаха. Часы складываются в дни. Мое приданое. Дни притягивают к себе ночи. Мой танец. Сутки оборачиваются неделями. Моя свадьба. Из недель вырастают месяцы. Моя Хавида. Месяцы растягиваются в годы. Моя. Моя. Моя. Я убью тебя, Навей!
- Когда он проснулся, Хавида сидела рядом.
- Скажи, милый, что ты видел во сне?
- Мзаучу стало не по себе, и он ответил:
- Во сне я видел ту белую рубаху, что ты когда-то подарила Навею.
- Это правда, ты часто называл его имя. Я много лет люблю тебя, Мзауч. У нас прекрасные дети. Скажи, что тревожит тебя?
- Где теперь та рубаха, Хавида?
- Она в глубоком тайнике душе моей, Мзауч, нельзя достать ее оттуда, нельзя наклониться. Нельзя протянуть руку. Нельзя нырнуть целиком. Каждый звенящий в горах родник превращается в ручей, а ручей заканчивается глубоким омутом, милый. Даже перекрыв родник, нельзя до конца осушить омут.
- Но ведь ты знала, что со дня вашей свадьбы я люблю тебя?
- Знала.
- А знала ли ты, что я был достоин тебя?

– А мне нравится, что, когда тебе скучно, ты идешь на пляж и строишь замки. Ты бы мог стать архитектором.

– Да, мог бы. Я был бы тем редким архитектором, который утром строит дом, а к вечеру его смывает волной.

– Или сдувает ветром. Я заметила, ты строишь остов из камушков, а потом из песка лепишь своды и башенки, так?

– Так.

– Ну а потом песок сдувает ветром, верно?

– Верно.

Я любил тебя, и мне нравилось просто смотреть тебе в глаза и соглашаться, потому что я ждал, что вот сейчас, через мгновение, ты скажешь какую-то странную мудрость или расскажешь сказку. Но в тот раз вышло по-другому.

– Это естественный ход вещей... – Ты на секунду задумалась. – Хочешь поехать со мной в магазин?

– Конечно, хочу. А в какой магазин?

– «Жоэквара». Это в Гагре, увидишь.

И мы поехали с тобой на такси в центр Гагры.

«Жоэквара», конечно, был не просто магазином. Большое современное трехэтажное здание. С рестораном на первом этаже и кафе на втором. Ты показывала мне этот торговый центр как какое-то чудо.

– Смотри! Смотри! Здесь много магазинов, очень много. Его построили, когда я была еще маленькой. И мой папа привел меня сюда. Мы с ним покупали всякую чепуху. Это он так говорил. Давай тоже купим всякой чепухи!

– Конечно, а какой?

– Не знаю, пуговицы, стиральный порошок, заварочный чайник, ершик для туалета и кастрюлю.

– Обширный список.

И мы пошли, нет, почти побежали по магазинам, где покупали всякую чепуху. И маленький заварочный чайник. И ершик тоже. Я никогда не видел тебя такой радостной. Ты оглянулась и, не найдя в пределах видимости знакомых, решила развлечься.

– Так! Возьми в одну руку ершик, а в другую руку – чайник. Вот так. Все, теперь ты русский царь!

Ты захохотала. Наверное, я действительно выглядел смешно со скипетром-ершиком и державой-чайником.

– А я буду абхазская княжна!

И тут ты прошлась вокруг меня в каком-то плавном танце, еле заметно семеня, а руки, при-

чудливо изогнутые, точно летели за тобой по воздуху...

– Ого! Как ты танцуешь!

– У нас все так могут. Здесь прямо на крыше бывает дискотека! Представляешь? Часто заводят ламбаду. Но мы так, как в телевизоре, ее не танцуем. Не принято. Еще недавно из каждого окна эта ламбада была слышна. А ты умеешь танцевать ламбаду?

– Ну, так...

– Покажи!

Я показал. Казалось, действительно откуда-то сверху зазвучала ламбада.

Я попытался правильно вихлять бедрами. Вроде получилось. Все-таки я был актером. А ты опять прошлась вокруг меня в удивительном грациозном танце абхазской княжны...

Вечером мы опять оказались на пляже.

– Какой же классный был день. Я не думал, что когда-то мы с тобой сможем потанцевать! Здорово же, а?!

Но ты не отвечала. Я обернулся и увидел, что тень снова легла на твое лицо. Я увидел то, чего не видел раньше никогда. По твоей щеке сползала одинокая слеза.

– Что с тобой, Ахра? Почему ты плачешь?!

– Видишь твой замок? Весь песок сдуло ветром. Остался один остов.

– Из-за этого не стоит плакать. Я построю тебе сотню новых.

– Я плачу не из-за этого.

– А из-за чего?

– «Жоэквара» разрушат. От него останется один остов. Иногда я точно могу сказать, что случится, дорогой. Никто больше не будет покупать там всякую чепуху, никто не станет танцевать ламбаду на развалинах.

– Ты не ошибаешься? Как вообще такое может быть? Зачем кому-то разорять построенный еще в твоём детстве торговый центр?

– Я почти всегда могу точно сказать, что будет, когда сама узнаю. Но никогда не могу ответить на вопрос «зачем». Зачем кому-то рушить дворец, построенный прекрасными людьми в прекрасной мирной стране? Может, ты знаешь? Зачем?..

Я хотел тебя утешить, но ничего не смог сказать. Ни тогда, ни сейчас у меня не было ответов на те вопросы. Я не знал «зачем». Я не мог ответить, зачем рушить торговый центр.

Зачем было рушить страну, в которой мы с тобой оба росли?

Ты не забудешь обо мне

Я спросил тебя:

- Почему местные не общаются со мной? Вернее, не так: со мной общаются – армяне, грузины, но твои соплеменники сторонятся? Будто у них какая-то тайна...
 - Мы не очень любим подпускать к себе чужих, это верно.
 - Почему?
 - Нас очень мало, дорогой. Когда вы приезжаете в гости, мы с радостью встречаем вас. Когда вы окажетесь за нашим столом, мы с радостью угостим вас. Но вы останетесь чужими, пока не растворитесь. Помнишь, я говорила. Но вас так много – русских, грузин и армян, что скорее растворимся мы. И это уже привычка. Мы не хотим раствориться, вот и вся наша тайна.
 - Но ты же дружишь со мной.
 - Ну ты же слышал. Я со странностями. Я знаю, что будет дальше. Не спрашивай и молчи! И потом, я взрослая женщина. Вдова. Сирота. Мои приемные мама и папа умерли. Моих настоящих родителей не сыскать. Меня взяли совсем маленькой. Папа волновался сначала, точно ли я апсуа. Но потом успокоился. Решил, что я немножко не в себе. Как всегда, оказался прав.
 - Но если родители не известны, а характером ты сильно отличаешься от местных, то, может, ты вовсе грузинка или армянка?
- Твои глаза вдруг вспыхнули гневом. Так, что мне даже захотелось от тебя отстраниться.
- Я апсуа! Смотри на меня! Видишь – нос?! – Ты повернулась в профиль и указательным пальцем провела по носу.
 - Вижу. Вижу.
 - Ты повернулась ко мне лицом.
 - Видишь глаза?!
 - Вижу. Вижу.
 - Так какие тебе еще нужны доказательства?!
 - Никаких.
 - Ну так вот и молчи, русский турист!
 - Я буду нем, как камни в горах. Только не доставай свой кинжал, абхазская княжна.
- Ты засмеялась. Гнев прошел так же быстро, как появился.
- Какая разница, кто ты по крови? Если эта земля – твоя земля, если эти люди ближе тебе, чем братья. Если ты готов свою кровь пролить за эту землю и за этих людей. Мои дорогие соседи, думаю, не слишком довольны, что я много вре-

мени провожу с русским туристом. Для них вы все – туристы. Но пока соседи приглядываются. А когда они поймут и решат окончательно, то будет поздно.

- В смысле, поздно? О чем ты?
- Неважно. Время уходит, дорогой. Мгновения превращаются в минуты, минуты одна прилипает к другой и становятся часами, часы складываются в дни, дни притягивают к себе ночи, сутки оборачиваются неделями, а из недель вырастают месяцы. И совсем скоро мой август. И тебя, слава богу, не будет рядом.
- Опять ты говоришь загадками.
- Потому что я хочу, чтобы ты помнил обо мне, а не о моей судьбе, понимаешь?
- Нет, я не понимаю. Как это возможно – помнить о тебе, но не о твоей судьбе? Что вообще все это значит?
- Это означает, что важно только то, что происходит в эту секунду. Солнце. Ветер. Вон там горы, а там море. Это как песня, в которой много голосов. Пока она звучит, все остальное не имеет значения. Только эта песня. Только ты и я. Слышишь?
- Слышу!
- Я хочу, чтобы ты помнил меня такой, как в это мгновение, слышишь? И забыл о моей судьбе! Понимаешь?
- Понимаю!
- Ты не забудешь обо мне?!
- Нет, Ахра, как можно забыть о тебе?
- Мужчины легко забывают. Но ты нет. Ты не забудешь обо мне. Именно поэтому я нарушаю наши традиции. Именно поэтому я не боюсь того, что скажут соседи. Мне очень важно, чтобы ты помнил меня такой, как я сейчас, помнил солнце, помнил горы, город именно такой, какой он сейчас, в самом начале лета. Помнил нас с тобой на берегу моря, и в мандариновом саду, и на дороге в Гагру, и здесь, в «Гребешке», понимаешь?
- Хочешь, я скажу правду?
- Конечно. – Ты улыбнулась. – Если в такие моменты врать, то это значит вообще никогда не говорить правды.
- Мне очень хочется надеяться, что все это просто сумасшествие. Ты все время говоришь, мол, молчи, не спрашивай, помни только то, что сейчас. Ты будто бы жалеешь меня.
- Нет! Ты мужчина, и выполнишь свой долг. Свою судьбу. Ту самую, которую тебе уготовил Бог.
- Ну спасибо, что веришь в меня. Знать бы еще, что выполнять.

- Ты будешь здоров и весел. У тебя будет две руки и две ноги. У тебя в голове и груди не будет дырки. Чем тебя еще порадовать?
- А вот чем. Расскажи-ка мне, откуда ты все это знаешь? Как получилось, что у тебя оказался твой дар-проклятие?
- А, ну это просто... – сказала ты и задумалась.
- Ты чего замолчала?
- Думаю, с чего начать... вспоминаю...

Ты отошла от меня и стала смотреть туда, где свободно и светло догорало абхазское предвечернее солнце.

- Мой приемный отец был абхаз. Это только с виду они строгие, наши мужчины. Но строгие, правда. Не во всем. Дочерей-то уж точно любят сильно. Как, может быть, никто не любит. Хоть и воспитывать стараются по нашим традициям. Строго. Легче сказать, что нам можно, чем чего нельзя. Все нельзя. Однако отец часто меня с собой брал. Он был охотник и любил в горы ходить с ружьем. Много не подстрелит, а гуляет и сказки мне пересказывает, которые ему еще бабка рассказала. Или просто мудрость. Он много знал про наши обычаи и край и меня этому учил. Не замечал, что повторяется иногда. А я ему не смела и напомнить. Все слушала. Запоминала. Так вот. Со мной несчастье случилось у горного ручья...

Ты замолчала. Лицо твое вдруг сделалось уставлым и даже как-то осунулось, побелело.

- Что случилось-то, Ахра, что ты молчишь?
- Я нагнулась к траве у ручейка. Хотела воды зачерпнуть, попить. А там гадюка рядом. Змея. И знаешь, что странно? Она выскочила из-под камня, когда я потянулась к воде, но не в руку вцепилась, а в щеку у самого глаза. Как она так прыгнула, до сих пор не осознаю. Отец сразу все понял. Подхватил меня, кричащую, на руки и побежал. Он говорил, что никогда так не бегал. Пока до медпункта бежали, больно мне было страшно. И глаза – один опух, в щелочку превратился, а второй вовсе заплыл. И это все было понятно, а вот по-настоящему странно было то, что видела я лицо отца, как будто в старый наш ламповый телевизор смотрю, который, чтобы от помех избавиться, надо было по боку со всей силы шарахнуть. И еще хуже, через этот странный экран с помехами я вижу лицо отца. И оно стареет на моих глазах. Быстро. Стало пепельно-серым, как и волосы. И худым, кожа, натянутая на череп. И слово такое гадкое – «рак» – где-то в голове отпе-

чаталось. Меня спасли. Успел отец добежать. Укололи мне что-то, уложили, таблетку дали. Ничего. Выжила, даже ранки от укуса не осталось. Когда отец с мамой навещать пришли, я спросила. «Ты, – говорю, – так испугался, что весь побелел, и лицо, и волосы?» А он смеется, говорит: «Нет, вроде такой, как и был. Разве что в последнее время похудел немножко...» Он похудел, но ровно через год умер от рака желудка в районной больнице. И знаешь что? Перед смертью у него было ровно такое лицо. Худое. Пепельное. И седые-седые волосы. Это потому, что меня поцеловала змея.

- Я тебе сочувствую... – начал было я, но ты прервала меня.
- Подожди. Это не конец. Я потом долгое время не видела ничего подобного, как тогда с отцом. Не видела будущего. Но это до поры. Мать тихая, скрытная, отца заменить не могла. Может, и любила меня по-своему, но, кажется, и разочаровалась, что я не такая. Немного сумасшедшая. Не как все девочки наши. Я очень горевала без отца. И вот дядя Адгур мне поездку устроил в высокие-высокие горы. В память об отце. Он сердитый, дядя Адгур, меня апсуа не считал. Но видел, как я по его брату горюю, и сам, видно, тоже горевал, но не показывал. Повез меня в горы на вертолете. Он уважаемый человек. Мог устроить. И вот на обратном пути что-то сломалось в вертолете. Начало трясти и так страшно сделалось, что я рассказать не могу. И вот тут я увидела себя взрослой, будто я стою перед иконами, но, вместо того чтобы молитвы читать, как бабушка, в маленький колокольчик звоню. А вертолет наш выровнялся и полетел. Но с тех пор мне жутко от того, что вертолеты летают в горах. Не люблю. Я прилетела домой и попросила бабушку научить меня молиться, а она вдруг колокольчик мне дала. Когда, говорит, отца вспомнишь, позвони. Он там услышит и тоже позвонит. Почувствуешь это, будешь знать, что он жив. В раю. Вот с тех пор я, когда захочу, могу узнать что-то про будущее. Увидеть картинку. Но не всегда и не у всех.
- А почему не всегда?
- Я могу увидеть только то, что будет с теми людьми и местами, кого я действительно люблю. Почему ты улыбаешься? Ты своей улыбкой сейчас во мне дырку прожжешь!
- Ты можешь видеть мое будущее, Ахра. Ты не раз его предсказала. А это значит...

– Выглядит тяжело, да не так уж сложно, – сказал Бзоу.

– Ну так и начинай. Велик день, а и он когда-то кончится, спеши. Время уходит.

И начал Бзоу слитки таскать. Весь день таскал, останавливался только, чтобы воды из хрустальной речки хлебнуть. Но к вечеру перенес и сложил все золотые слитки в новой пещере.

Хотел умыться, пришел к реке. Видит, лицо его за один день как-то изменилось. Постарело, что ли? Покачал он головой и пошел к царице докладывать.

– Вот, царица, закончил я все, как ты велела.

– Хорошо, – сказала царица. – поужинай, отдохни и спать ложись. Назавтра дам тебе еще одно задание.

Проснулся Бзоу, позавтракал, чем угостили, и пришел опять к царице.

– Я готов работать, – сказал он.

– Ну что ж, – ответила царица, – вот тебе новое задание. Возьми-ка золотые слитки из той пещеры, куда ты их вчера сложил, и неси обратно, чтобы лежали они в том же порядке, как и были.

– Зачем я вчера трудился, царица? – возмутился Бзоу. – Если можно было этим золотым слиткам один день в старой пещере полежать, то сегодня бы их носить не пришлось!

– Ты не возмущайся, а работай. Время уходит. К третьему дню нужно будет на пир собираться.

Куда деваться? Кивнул Бзоу и начал золотые слитки обратно таскать. Весь день таскал. Со всем из сил выбился. Хотел у речки напиться, да опять на него чужое отражение смотрит. Совсем старик.

– Вот, царица, я все выполнил, давай пировать – и пойду я домой.

– Все ты выполнил, Бзоу. Садись за стол.

Стали они пить, есть и песни слушать.

К вечеру третьего дня собрался Бзоу домой. Царица ласковая, поблагодарила его за работу и на дорогу еще слиток золота в мешок положила.

А потом оборотилась рысью и проводила его до того места, где они встретились.

– Что ж, – сказала рысь, – можешь идти, вон там твоя деревня. А можешь и остаться. Будешь трудиться для меня и ни в чем нужды знать не будешь.

– Нет уж, спасибо, – сказал Бзоу. – Не надо мне ни слитков золотых, ни шкур. Побреду поскореей домой.

И спустился он с горы к морскому берегу. Но деревни своей не обнаружил. А на месте, где был его дом, теперь лишь остов стоит да ветер песком по обгоревшему полу играет.

Заплакал Бзоу. Стал звать жену:

– Амза! Амза! Амза!

Да никто не откликнулся. Тут он увидел рыбака на пирсе. Тщетно он пытался поймать рыбу.

– Что случилось с деревней? – спросил Бзоу.

– Разве ты не знаешь, дедушка? Враги сожгли эту деревню. Никого не осталось.

– Когда же это произошло? – воскликнул Бзоу. – Меня не было всего три дня!

– Что ты, дедушка, – ответил рыбак. – Какие три дня? С тех пор прошло тридцать лет. Деревню сожгли, а жителей убили...

И пошел старик прочь, сам не зная, в какую сторону. А слиток золотой, что он за работу у царицы получил, стал так тяжел, что до боли давил его плечо.

Гребешок и колокольчик

Вечером мы сидели у пирса на песке. Закончился последний день съемок. Где-то наверху в столовой санатория вовсю шел банкет.

– Съемки закончились... – сказал я то, что и так нам обоим было известно. Просто чтобы что-нибудь сказать.

– И вечер догорает... – откликнулась ты.

– Мне выдали билет.

– Ты улетишь, а потом вернешься.

– Это предсказание?

– Да, конечно. Я никогда не ошибаюсь в предсказаниях.

– Хорошо, но есть же свободная воля. Давай я останусь. Я могу не улететь. Ты можешь улететь со мной. Всегда есть варианты.

– Давай я тебе расскажу о вариантах, и ты поверишь? Потому что ты мог убедиться в том, что я ничего не говорю просто так.

– Это опять будет какая-нибудь сказка или местная легенда?

– Нет. И даже не предсказание. Так хочешь послушать правду?

– А какой здесь может быть ответ, кроме «да»? Кто-нибудь, когда-нибудь отказывался услышать правду?

– Очень часто отказываются. И даже если слышат – не хотят верить. Люди не любят, когда рушат их песочные замки.

– Хорошо. Я хочу услышать правду.

- Точно?
- Да! Да! Да! – Я вскочил и закричал на тебя. – Говори уже! Ты все равно всегда добьешься своего, и все всегда получается, как ты хочешь!
- Наоборот, все всегда получается, как я не хочу, милый.

Я опять сел рядом с тобой. И стал смотреть на море. И в небо. Где постепенно исчезал последний свет дня.

- У тебя было два предложения. Первое. Ты хотел бы остаться. Так вот, слушай, что будет.

Ты замолчала, задумалась. Потом решила и заговорила.

- Здесь начнется война. Не та война, которую вы изображаете в фильмах. Здесь будет настоящая война. И в ней нельзя будет крикнуть «стоп, снято!» и пойти пить лимонад в тени. Здесь будет война, в которой ты, местный житель, должен будешь участвовать. И умереть одним из первых.

- Я должен поверить в то, что здесь, в СССР, в этих местах будет война?

- Да. Тебе еще за день до ее начала будет казаться, что это только разговоры, что такого вообще не может быть.

- Хорошо. Допустим.

- Не допустим, а так будет. Уже сейчас в воздухе, на земле и под землей копится злоба. Скоро она польется потоком.

- И меня убьют? Такое предсказание?

- Это не предсказание. Это логика. Ты не готов даже в фильмах про войну сниматься. А тут такое...

Ты опять помолчала, на что-то решаешь.

- Ты не исполнишь ни свою судьбу, ни Божью волю. Тебя просто пристрелят в первый день. Хлоп. Будто шарик лопнул, и останется истевающий мешок костей и зубов. Ты умрешь за чужую для тебя страну. За чужие интересы. С одной только мыслью: «Куда я полез? Почему я здесь? Из-за поцелуя в мандариновом саду? Какая глупость!..»

Ты закрыла на секунду глаза и вздохнула.

- Теперь обо мне. Я могу изменить свою судьбу и поехать с тобой в Москву. Ты порядочный и женишься на мне. Но что же случится дальше? Моя земля будет в огне. Мои братья и сестры пойдут воевать. А я буду в вечной тоске ждать репортажей по телевизору и чувствовать, что я предала всех. Отца, мать, дядю, мужа. Свою землю. Потому что это моя земля. Здесь мое сердце... У тебя появится тоскли-

вая жена. Твой мир, твои друзья, актеры, режиссеры, писатели всякие, будут мне чужими. Сначала они станут интересоваться мной, как дикой рысью. Может, скажут: «Кыс-кыс-кыс». И посоветуют читать больше книг. И я завяну и усохну. Ты будешь злиться. Но ты честный. Не бросишь меня. Будешь ходить хмурый. Плохо работать. Ролей станет меньше. И я, чтобы заработать нам на съемную квартиру, устраюсь через земляков торговать мандаринами с лотка. Буду стоять зимой, укутанная в пуховик, и закидывать вялые мандарины на весы. Когда бросаешь свою землю, надо быть готовым к такому.

Даже в моем романтическом угаре я понимал, что так вполне может быть. Да, так оно и будет, но все же я пытался сопротивляться:

- Миллионы людей переезжают с места на место. И устраиваются. И живут. Они увозят с собой свою родину. Продолжают жить ее интересами. И возвращаются, когда это становится возможным, разве не так?

- Не по своей воле, наверное. Не знаю. Никогда их не понимала.

- И что же нам делать?

- Здесь моя Родина, милый, и когда придет враг, я должна быть с ней. Каждому суждено исполнить свою судьбу. Все то, что назначил Бог.

Мы молчали. Солнце погасло, и я развел костер из топляка. На море появилась лунная дорожка.

- Знаешь, Ахра, а ведь я приготовил тебе подарок.

- Конечно, знаю, какие со мной могут быть сюрпризы? Знаю и очень жду. А ты все тянешь.

- Я надеялся, что будут подходящие обстоятельства.

- Сейчас они очень подходящие.

- Я надеялся на другие.

- Но у нас те, которые есть.

- Хорошо. Смотри. Вот такую штуку я нашел.

Я вынул из-за пазухи деревянный гребень-заколку. Длинные зубья, инкрустированные деревянными цветами.

- Это гребешок принцессы – для тебя.

- Вот видишь, я хоть и знала, а все равно плачу.

- Тебе что, не нравится?

- Нравится, хотя я даже знаю, у какого продавца в Гагре ты это купил.

- Других не было, честно говоря.

- Я буду хранить его всю жизнь, обещаю.

- Я боюсь, что такие гребешки, они не слишком долговечны, они ломаются.

- Ничего. Это ничего. И люди не долговечны, милый, они ломаются. У меня тоже для тебя есть подарок.
- И ты достала маленький колокольчик.
- Вот он. Когда умер мой муж, я купила такой же. Он сейчас у меня дома. Бабушка научила меня молиться за умерших. Это совсем короткая молитва. Она есть в любом русском молитвеннике. Это такая книжка, продается в храме. И я стала читать ее. Молилась сначала только за мужа, потом за отца, потом за мать. И вдруг решила, что после каждой молитвы буду звонить в колокольчик. И они там услышат. Так и делаю с тех пор. Молюсь и за живых, и за мертвых. И говорю: «Я помню о вас». Звоню в колокольчик, и знаешь что?.. Я всегда слышу в ответ их звон. Так гораздо легче жить, милый. Зная, что жизнь не заканчивается здесь. Что любовь никогда и никуда не исчезает. Ни здесь, на земле, ни там, на небе. Время – ничто. Его просто не существует.
- Так это твой колокольчик звенел в самолете, когда мы летели сюда?
- Да, и мой голос звучал. Я молилась о тебе.
- А откуда ты... ах да! – Я замолчал, потому что все и так было ясно.
- Завтра ты уедешь. Правильные решения всегда самые трудные. Но потом обязательно вернешься и увидишь меня. Это – мое предсказание. А ты ведь знаешь, я никогда не ошибаюсь в предсказаниях.
- Хорошо, – сказал я и достал из сумки рубаху твоего мужа. – Спасибо. Пусть она останется у тебя.
- Сам не знаю, почему я так решил. Но кажется, так было нужно. Я протянул тебе рубаху. И ты взяла ее.
- Да, – сказала ты. – Все верно. То, что произошло здесь, здесь должно и остаться.
- И что же будет? – спросил я.
- Мы победим... – ответила ты.

Прощание

Я никогда не забуду наше прощание, Ахра, даже если в конце жизни не вспомню, как меня зовут...

Вокруг толпились люди, таскали чемоданы. Водители курили. Вася кричал: «Если мы опоздаем на самолет, меня точно уволят! побыстрее, побыстрее! Где машина для актеров?»

Осветители несли приборы, операторская группа протащила кофр с пленкой, гримеры пробежали

со своими ящичками. Костюмеры пронеслись с вешалками, на которых висели съемочные костюмы. Все кричали, суетились, переругивались...

И тут я увидел тебя.

Ты вышла из администраторской и стояла в дверях той самой старинной дачи, где мы прожили все время съемок. Ветер развевал твои волосы, заколотые моим гребешком.

Ты выглядела совершенно иначе, чем обычно, и я никак не мог понять, в чем дело. Все то же скромное платье, та же обувь, прическа. Но что-то в лице изменилось. А потом я понял. Луч солнца, как тогда на пляже, подсветил твой силуэт золотом. Ты сверкала.

Вдруг вся группа, вся суета и крики исчезли для меня. Осталась только ты – там, на небольшом возвышении, в дверях пансионата. Глазами ты искала меня в сборище людей, и когда нашла, сделала один шаг вперед. Один только шаг.

В твоей руке я увидел ту самую рубашку. А потом ты ее, не торопясь, приподняла, встряхнула и осмотрела. Я не мог взгляда оторвать от этого странного ритуала. Легким движением ты накинула эту рубаху на себя и закуталась в нее, как в пелерину, левой рукой придерживая воротник. Потом ты опять посмотрела на меня.

Я не выдержал твоего взгляда и заорал. Заорал, не стесняясь всей съемочной группы, местных официанток и таксистов:

– Я уеду, но потом обязательно вернусь!

Удивленные люди обернулись и стали смотреть на меня, но мне было все равно. Я продолжал орать:

– Это ты предсказала, что я вернусь!

Ты молча смотрела на меня.

– Вернусь и найду тебя здесь! Такое было твое предсказание, разве не так?

Ты вдруг медленно кивнула и ободряюще улыбнулась.

А потом неожиданно вскинула правую руку вверх. И пошевелила пальцами.

Это было твое прощание, о смысле которого я догадался много позже. А ты, развернувшись, ушла в холл пансионата, и пятно белой рубахи растворилось во тьме.

И тут ко мне подскочил Вася.

– Товарищи! Товарищи! Отправляемся. Автобус, а тем более самолет, ждать не будет! Не задерживайте!

И я побрел в автобус.

Я сделал тот самый выбор, который повлиял на всю мою жизнь. За окном была дорога в Гагру.

Ты умерла здесь.

Ты была и осталась скалой.

А я очнулся в своем доме в Подмосковье. За окнами шел дождь. Я стоял перед платяным шкафом и звонил в колокольчик. И чувствовал, что где-то далеко и вместе с тем рядом мне отвечает Ахра. А за ней, еще дальше, тихо звенит множество колокольчиков. И я подумал, что все они там. Все они живы. И маленькая принцесса, и Хавида, и Навей, и Мзауч, и Амза, и Бзоу, и, конечно, ты, Ахра.

Ваши колокольчики всегда звенят на ветру.

Предсказания Ахры

Пршло тридцать лет, и я вернулся. Как ты и предсказала.

«Завтра ты уедешь, но потом обязательно вернешься».

Это «потом» произошло через тридцать лет.

Первым делом я заехал в «Жоэквара». Твое предсказание сбылось.

«Жоэквара» разрушат. От него останется один остров. Никто больше не будет покупать там всякую чепуху, никто не станет танцевать ламбаду на развалинах».

Я зашел внутрь. Никто не торговал всякой чепухой, не было ни прилавков, ни продавцов, ни покупателей. Все стены покрывали уродливые граффити. Нет больше дискотек на крыше, и никто не танцует ламбаду. Грустный, я забрел в тот самый большой холл между двумя лестницами, где мы с тобой гуляли когда-то. И там, в этой разрухе, в этом запустении, я увидел тебя. Всего пару мгновений. Ты прошла в танце абхазской княжны, семена и плавно поводила руками. Ты была здесь. И ничуть не изменилась с тех пор.

На следующий день я приехал в «Гребешок». Представляешь, Ахра, я едва нашел ворота. Все здесь так заросло, что трудно было пробраться к даче, где когда-то жили мы. И еще раньше девочка-принцесса.

От той уютной дачи, от того дома остались лишь стены. Я прошел в ту комнату, где когда-то жил. Вспомнил даже обои, следы которых еще остались на стенах. И знаешь, что я обнаружил? На маленьком, почти нетронутом временем куске стены, на поблекших обоях была приклеена акварельная картинка. Детский рисунок. Кто-то, видимо, пытался ее оторвать, потому что одного уголка не было совсем, а второй отходил от стены немного.

На картинке было море и вечернее заходящее солнце. И на пирсе стоял мальчик. Он закинул удочку и ждал поклевки. Я думаю, это ты сама нарисовала картинку, Ахра. Или это совпадение, как любил говорить мой папа?

«Посидишь так день-два – и станешь акварельной картинкой на стене верхней дачи».

Так или иначе, а твое предсказание сбылось. Я не смог стать частью твоего мира, но стал картинкой на стене верхней дачи.

Вечером в Гагре я зашел в ресторан, тот самый знаменитый «Гагрипш», который опять работал. Рядом праздновали свадьбу, и за длинным столом мужчины хором запели песню, в которой были очень знакомые слова.

«Потом, через годы, ты вспомнишь про этот наш разговор. И тебе будет очень жаль, что ты не услышал эту песню. Не сейчас. После».

Это была радеда, свадебная песня.

Ты опять оказалась права. Я помню наш разговор и все еще грущу по невозможному.

Да, Ахра, и насчет меня твои предсказания сбылись. Я всю жизнь перетаскивал золотые слитки из пещеры в пещеру, а когда вернулся туда, куда должен был, увидел разрушенный город.

«Нет, милый, ты не охотник на золотую рысь. Ты просто уснул в горах. И время прошло».

Ты была права, и я вернулся. Теперь, когда я брожу здесь, я везде вижу тебя. И в разрушенных зданиях, и в парке с пальмами, и в аллее от «Гребешка» к морю.

«Ты не забудешь обо мне. Мне очень важно, чтобы ты помнил меня такой, как я сейчас, помнил солнце, помнил горы, город именно такой, какой он сейчас, в самом начале лета».

Да, я не забыл о тебе. Я помню тебя такой. Твоя смерть не укладывается в моей голове. Во мне не может соединиться твой образ и грязь войны. Твой образ и тление. Твой образ и смерть.

«Тогда поезжай в мандариновый сад дяди Адгура. Ты же ведь не был там с тех пор. Там ты узнаешь главный мой секрет».

И я нашел тот сад. Пробрался сквозь заросли. Расцарапал руки о колючки и порвал штанину о корягу.

Я увидел сад дяди Адгура. Мандарины цвели. Деревья трепетали на ветру. И где-то в глубине сада звенел колокольчик. Я увидел тебя. Ты улыбалась. Мы смотрели друг на друга. И я сказал:

– Ты была права. Я везде вижу тебя.

Ты кивнула.

